

АРСЕНИЙ ФЕДОРИН

ВЕКТОР

ИСТОРИЯ НОЛАНА РИДА

ОНА НЕ ЗНАЛА, ЧТО ОН ИДЁТ.
ОН НЕ ЗНАЛ, ЧТО ОНА ЖДЁТ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арсений Федорин

Вектор: История Нолана Рида

«Автор»

2026

Федорин А. А.

Вектор: История Нолана Рида / А. А. Федорин — «Автор», 2026

Десять лет назад вирус уничтожил мир. Десять лет назад Нолан Рид потерял сестру. Теперь он живёт в Грейхейвене — городе за стеной, где всё ещё есть свет, вода и порядок. Где люди ходят на работу, дети — в школу, а по улицам патрулируют военные. Где никто не выходит за периметр. Потому что за стеной — мёртвый город. Заражённые. И смерть. Но Нолан знает: его сестра жива. Он видел её имя в старых документах. И он готов заплатить любую цену, чтобы найти её. Ему предстоит пройти через разрушенные города, химические пустоши и убежища, где выжившие давно перестали быть людьми. У него есть только браслет на руке, старый пистолет и упрямая надежда. И ещё — те, кого он встретит по пути: семнадцатилетний парень, который знает все крыши мёртвого города. Врач, которая не должна была уйти из безопасного места. И человек, который знает о Нолане больше, чем говорит. Он искал сестру десять лет. Он найдёт её. Или умрёт.

© Федорин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	8
Глава 2.	12

Арсений Федорин

Вектор: История Нолана Рида

Пролог

Камера на штативе смотрит прямо на него. Красный глазок ещё не горит. Нолан садится за стол. Под локтем шуршат бумаги. Много бумаг. Он выравнивает стопку, хотя она и так ровная. Тянется к камере. Нажимает кнопку. Красный глазок вспыхивает.

— Всем привет. Меня зовут Нолан. Десять лет назад я потерял сестру.

Он откидывается на спинку, вытягивает из стопки лист.

— Я выживший номер 1024. — Он поднимает бумагу к объективу. — Прошёл общую вакцинацию. Полностью здоров.

Лист ложится обратно. Нолан смотрит в камеру — прямо, не мигая.

— Я живу в Грейхейвене. И я хочу найти свою сестру.

Он не отводит взгляд.

— В 2026-м начался весь этот пиздец. В городе его прозвали Орион. На бумагах — ARV-7. Люди начали заражаться и превращаться в нечто. Во что-то похожее на зомби.

Он улыбается. Уголок рта дёргается.

— Но есть одна деталь. Элиас Восс. Знакомо вам? — Он вглядывается в объектив. — Конечно, все его знают. Тот самый профессор, который поборол вирус. Вот только какой ценой?

Он выдерживает паузу. На этот раз — настоящую. Слышно, как гудит лампа где-то за кадром.

— Ценой детей.

Он вытягивает из стопки следующий лист.

— Учёные долго считали, что дети просто легче переносят инфекцию. Но Восс заметил странную закономерность: у детей вирус не исчезает сразу. Он как будто меняет поведение. Причина — в особом типе клеток. У детей они встречаются часто, с возрастом почти исчезают. Профессор назвал их клетками-регенераторами.

Лист ложится обратно. Нолан отпивает воды. Стакан оставляет мокрый круг на бумагах. Он не вытирает.

— Эти клетки не убивают вирус. Они перехватывают белок, из-за которого иммунная система поддерживает воспаление, и блокируют его. Временно. А потом происходит неожиданное.

Он снова тянется к бумагам.

— В больницу попадает девочка. Восемь лет. Вирус на поздней стадии. Эмма Рид. — Он улыбается. — Моя сестра.

Он смотрит в объектив чуть дольше, чем нужно.

— Врачи уже считают её состояние необратимым. Через несколько дней показатели улучшаются. Через неделю вирусная нагрузка падает. Через месяц она здорова. Сначала думают: ошиблись с диагнозом. Потом находят других детей с тем же результатом. И почти у всех — одна общая деталь. В крови остаётся неизвестный белок.

Бумаги возвращаются на стол.

— Восс сравнивает кровь детей и взрослых. И выясняет. — Нолан открывает блокнот. — У ребёнка есть особая разновидность иммунных клеток. После определённого этапа взросления она практически исчезает. У взрослых тоже встречается, но так редко, что ни на что не

влияет. И самое интересное: эти клетки не уничтожают вирус. Они заставляют его заснуть. Вот почему дети — ключ к лечению.

Блокнот закрывается. Нолан смотрит в камеру.

— Но Восс понимает ещё кое-что. Эти клетки нельзя просто перелить. Они живут несколько дней. Поэтому исследователи ищут не клетку — механизм. Через несколько месяцев у них готов препарат. Он заставляет иммунную систему взрослого запускать тот же процесс. Первый взрослый получает препарат. И дети по всей планете начинают пропадать.

Он усмехается.

— Пропала моя сестра. Пропала дочь соседки. Пропали дети всего моего города. Обратно не вернулся никто.

Нолан берёт со стола карту. Разворачивает.

— Грейхейвен. Единственный город на материке, который официально считается живым. За забором — заражённые. — Он ведёт пальцем по карте. — А сегодня я принял решение. Я иду в Брайтон-Бэй. Центральный город беженцев. Зеки, наркоманы, те, кто просто хотел убежать от закона и осесть там, где их никто не тронет. Выход за территорию Грейхейвена запрещён. Любая попытка — смерть. Военные на вышках могут стрелять без предупреждения. Им можно.

Он смотрит в камеру.

— Но мне нужно туда. Узнать, где моя сестра.

Нолан откидывается на спинку стула. Карта остаётся на столе, краем свисает.

— Когда всё пошло по пизде? Хороший вопрос. Первые месяцы казалось: проблема решена. После открытия детского фактора учёные сделали вакцину. Вирус она не убивала, но позволяла иммунной системе подавлять его. Заболевшие выздоравливали. Новых случаев всё меньше. Правительство отменяло ограничения.

Он закуривает. Спичка гаснет, он бросает её в стакан.

— Первым заметил Восс. У нескольких пациентов вирус начал меняться. Вакцина, которая ещё месяц назад работала почти безотказно, вдруг перестала давать результат. Списали на ошибки лабораторий. Потом — десятки случаев. Потом сотни. А потом выяснилось худшее: вирус научился обходить вакцину. Восс потребовал немедленно прекратить массовую вакцинацию. Правительство отказалось. Признать провал — значит признать, что вся система защиты страны больше не работает. Тогда он начал собственные эксперименты. Вернулся к детям — единственным, чей организм всё ещё подавлял инфекцию сам. Кровь, иммунные реакции, генетика. Но постепенно перестал соблюдать протоколы. Менял дозировки. Пробовал экспериментальные препараты. Пытался воспроизвести детскую реакцию искусственно.

Он затушивает сигарету. Медленно, вкручивая.

— И однажды один пациент умер. Восса отстранили. Официально — за нарушение протоколов и опыты на людях. Он сказал коллегам: «Вы хотите лечить последствия. Я пытаюсь понять причину». Ему ответили: «Вы больше никого не лечите, профессор. Вы ставите эксперименты». И уволили.

Нолан усмехается. На этот раз — коротко, почти беззвучно.

— А потом стало поздно.

Он берёт со стола последний доклад. Лист слегка дрожит. Он прижимает его второй рукой.

— Через несколько недель — вторая волна. Вирус изменился. Если раньше организм подавлял его после вакцинации, теперь некоторые теряли эту возможность навсегда. Болезнь стала необратимой. Вспышки — сначала в нескольких городах, потом сразу в десятках. Больницы переполнены. Границы регионов закрыты. Школы. Предприятия. Транспорт. Люди массово уезжали из крупных городов. Но это уже ничего не меняло. Вирус распространился слишком широко.

Он поднимает доклад к камере. Читает по слогам, будто зачитывает приговор.

— Через несколько месяцев опубликовали закрытый отчёт. Одна строка: «Текущая вакцина больше не обеспечивает защиту от нового варианта вируса». И ниже: «Необратимое заражение подтверждено».

Доклад ложится обратно.

— Так появились новые государства. По одному на материк. Из тех, кто выжил. И по последней информации, Восс живёт в Брайтон-Бэй.

Он смотрит в объектив. Долго. Красный глазок отражается в зрачке.

— Я иду туда. Узнать, где моя сестра.

Нолан встаёт. Тянется к камере. Пальцы на секунду замирают над кнопкой. Он выключает запись. Красный глазок гаснет.

Зачем он всё это записал? На случай, если не вернётся.

Он убирает камеру в ящик стола, придавливая сверху бумагами. Потом сбежит из города. Тихо, без свидетелей. Искать его никто не станет. Мать с отцом заразились во вторую волну. Сестру он видел последний раз в больнице — при смерти. Но сегодня всё изменилось.

До него дошла информация: Восса видели на Мёртвом Базаре. Так называют укрытие беженцев в Брайтон-Бэй. И Нолану нужно туда. Найти Восса. Узнать, где сестра. Вернуть её.

Глава 1.

Надежда - это не вера в то, что все будет хорошо. Это уверенность, что что-то имеет смысл, независимо от того, чем все закончится.

Вацлав Гавел

14 марта. 2036 год.

Десять лет после первой волны. Грейхейвен.

Нолан вышел из дома и запер дверь. На улице было прохладно. Вечерний Грейхейвен жил своей обычной жизнью. По тротуару мимо пробежали двое детей. Один что-то кричал другому, размахивая деревянной палкой, будто это было оружие. У соседнего дома женщина выгуливала собаку. Та остановилась возле фонарного столба и долго обнюхивала его, не обращая внимания на хозяйку. Из открытого окна первого этажа пахло жареным мясом. Нолан не помнил, когда в последний раз ел мясо.

Он пошёл вдоль улицы. Грейхейвен нельзя было назвать большим городом. После эвакуаций здесь осталось около пятнадцати тысяч человек. Раньше жило в несколько раз больше, но теперь почти каждый свободный дом занимала семья, приехавшая из другого места. И всё же город не выглядел пустым. Работали магазины, аптеки, мастерские. На центральной открывались кафе и бары. Несколько раз в неделю работал рынок. У окраины круглосуточно дымил пищевой комбинат — перерабатывали зерно, мясо и всё, что удавалось вырастить или получить по обмену. Дальше начиналась промышленная зона: склады, ремонтные цеха, старые корпуса. Электричество было. Две электростанции, вода из водохранилища на востоке. Иногда свет отключали на несколько часов, но система держалась.

Люди привыкли. Ко всему привыкли. К тому, что нельзя просто открыть дверь и уехать в другой город. К тому, что за продуктами нужно стоять в очереди. К тому, что после десяти вечера на улицах становится заметно меньше людей. И особенно — к стенам.

Нолан поднял голову. Сквозь дома впереди виднелась бетонная стена периметра. Она окружала весь Грейхейвен и уходила вдаль, докуда хватало взгляда. Высокая, с металлическими секциями поверх бетона, прожекторами и наблюдательными вышками. На каждой вышке стояли бойцы НАГЗ.¹

На улицах тоже встречались патрули. Двое военных прошли навстречу. Тёмная форма, бронежилеты, оружие за плечами. Один коротко посмотрел на Нолана и продолжил идти. Нолан не задержал взгляд. Он давно научился не смотреть на патрульных слишком долго. НАГЗ следил за порядком внутри города и за тем, чтобы никто не пытался выйти наружу. Особенно ночью. За стеной начиналась территория, которую официально называли заражённой зоной. В разговоре — проще. Мёртвый город.

¹ Национальное Агентство Гражданской Защиты

Нолан свернул на другую улицу. Здесь было тише. Дома сменились небольшими складами и мастерскими. У одного из них несколько мужчин грузили ящики в старый грузовик. Рядом курили двое рабочих. Обычный вечер. Обычный город. Если не считать стены.

До старого гаражного кооператива оставалось несколько кварталов. До Мёртвого Базара он собирался добраться через Гранцев. Так называли людей, которые знали, как пройти за периметр и не попасться военным. Официально их не существовало. Неофициально — без них из Грейхейвена не выбирался почти никто. Нолан знал одного. Его звали Марк.

Когда-то Марк работал на военных и сам участвовал в установке периметра. Потом исчез. Через несколько лет его имя начали шёпотом передавать те, кому было мало места внутри стены. Говорили, что он знает старые дороги, знает смены на вышках и может провести человека через мёртвую зону так, что камеры его не заметят. Нолан не знал, правда ли это. Сегодня ему было всё равно.

Он свернул в переулок между двумя жилыми домами. Фонари здесь не работали уже несколько месяцев. В конце переулочка стоял старый гараж. Нолан трижды постучал в металлическую дверь. Два коротких удара. Пауза. Один длинный. За дверью послышались шаги.

— Кто? — раздался мужской голос.

— Норикс, — сказал Нолан.

Кодовое слово. Когда-то его шепнул ему человек, которого он больше не видел. Нолан запомнил.

Замки щёлкнули один за другим. Дверь открылась. На пороге стоял мужчина лет сорока. Высокий, крепкий, с широкими плечами и немного сутулой спиной. Тёмные волосы коротко стрижены, на висках пробивалась седина. Лицо загорелое, грубое, со старыми шрамами — один тянулся от правой брови к скуле. Выцветшие джинсы, тяжёлые ботинки, тёмная куртка поверх серой футболки. Ни формы, ни знаков различия. На поясе — кобура с пистолетом. С другой стороны — длинная мачете в потёртых ножнах. Мужчина несколько секунд молча смотрел на Нолана, оценивая с головы до ног. Это был Марк.

Он отступил в сторону, освобождая проход. Внутри гаража было темно. Под потолком горела одна лампа, висели старые провода. На стенах — инструменты, канистры, детали от машин. Нолан вошёл. Марк закрыл дверь.

— Что тебе нужно?

Нолан не сразу ответил. В гараже пахло маслом и старой резиной. Где-то под потолком гудела лампа.

— Мне надо в Брайтон-Бэй.

Марк коротко усмехнулся. Не разжал губ, только выдохнул через нос.

— И я тут при чём?

— Я знаю, что ты можешь провести туда.

Усмешка ушла. Марк смотрел на него молча — долго, без мигания. Потом коротко свистнул. Из-за перегородки вышли двое. Крепкие, широкоплечие, двигались без лишнего шума. Один встал у двери, второй — перед Ноланом.

— Осмотреть.

Нолан не двинулся. Руки держал на виду. Его обыскали быстро и без грубости — так, будто делали это каждый день. Забрали нож. Проверили карманы. Сняли куртку. Один провёл ладонями по рукавам, прощупал пояс, заглянул под футболку. Второй присел, проверил обувь.

— Штаны.

Нолан молча расстегнул ремень. Через минуту всё закончилось.

— Чисто, — сказал тот, что стоял ближе.

Он вернул куртку. Нолан оделся, сел на старый стул напротив Марка. Стул скрипнул. Марк достал пачку сигарет, покрутил в пальцах, но закуривать не стал. Убрал обратно.

— Мои услуги не бесплатные.

— Сколько?
— Тысяча.
Нолан даже не моргнул.
— За что?
— За то, что ты окажешься на Мёртвом Базаре живым.
Нолан ничего не сказал. Просто смотрел. Марк выдержал взгляд.
— Есть условия, — добавил он.
— Какое?
Марк наклонился вперёд. Локти на стол.
— Тебе нужен «Вектор».
— Что это?
— Браслет.
Марк постучал пальцем по своему запястью.
— На Базаре без него далеко не уйдёшь. Внутри анализатор. Постоянно проверяет кровь на маркеры вируса.
— Как?
— Микроигла. Прокалывает кожу, берёт каплю. Анализатор делает проверку. Результат — сверху.
— А если его нет?
Марк посмотрел на него. Без улыбки. Без раздражения. Просто посмотрел.
— Тебя не станут спрашивать, почему.
Нолан помолчал. Потом кивнул — скорее себе, чем Марку.
— Где достать?
— Не знаю.
— Ты серьёзно?
— Я не торгую браслетами. Я вывожу людей.
Марк откинулся на спинку. Стул скрипнул.
— Найдёшь «Вектор» — я сделаю остальное.
— Что именно?
— Документы сотрудника НАГЗ. Пропуск на северный участок. Маршрут.
— А дальше?
— Дальше пойдёшь пешком.
Нолан кивнул.
— Тысяча за всё?
— Тысяча золотых.
Нолан сунул руку во внутренний карман куртки. Достал небольшой мешок. Положил на стол. Металл звякнул глухо, будто через ткань.
Марк посмотрел на мешок. Не притронулся.
— Здесь ровно тысяча.
— Проверю.
— Проверяй.
Марк развязал шнурок. Пересчитал монеты — одну за другой, не спеша, не сбиваясь. Закончил. Завязал мешок. Убрал под стол.
— Когда отправляемся? — спросил Нолан.
— Как только будет «Вектор».
— Хорошо.
Марк взял со стола блокнот. Раскрыл, провёл пальцем по странице.
— Найдёшь браслет — возвращайся сюда.
Он сделал пометку. Короткую, резкую.

— Если понадобится помощь с поисками, могу дать один адрес.

Нолан посмотрел на него.

— Сколько?

Марк усмехнулся. На этот раз — уголком рта.

— Двести.

— У меня больше нет.

— Я вижу.

Марк перевернул страницу. Что-то записал. Медленнее, чем в прошлый раз.

— Считай, двести в долг.

Нолан нахмурился.

— Почему помогаешь?

Марк пожал плечами. Достал сигарету, на этот раз прикурил. Затянулся. Выпустил дым в сторону.

— Может, понравился.

Он оторвал листок. Протянул Нолану. Бумага была чуть тёплой от его пальцев.

— Элизабет. Центральная больница. Она знает, где можно найти «Вектор». Скажешь, что от Марка.

Нолан взял бумагу. Сложил. Убрал во внутренний карман.

— Спасибо.

— Не благодари раньше времени.

Нолан поднялся. Стул скрипнул. Один из мужчин уже стоял у двери, рука на засове.

— И Нолан...

Тот обернулся. Марк смотрел на него впервые за весь разговор — прямо, без усмешки, без игры. Сигарета тлела в углу рта.

— Не потеряй браслет.

Нолан ничего не ответил. Дверь открылась. Он вышел наружу. За спиной щёлкнул замок.

Глава 2.

Утро началось с дождя. Нолан проснулся раньше будильника. Несколько секунд лежал неподвижно, глядя в потолок, пока не вспомнил вчерашний вечер. Марк. Тысяча золотых. «Вектор». И имя — Элизабет. Он взял телефон с тумбочки. 07:18.

Встал. Умылся. Поставил чайник. Квартира оставалась такой же тихой, как и всегда. Родителей здесь давно не было. После их смерти Нолан почти перестал замечать пустые комнаты. Иногда ловил себя на том, что не помнит, как выглядела их спальня. Просто закрытая дверь в конце коридора. Он не открывал её годами.

Чайник щёлкнул. Нолан налил кипяток, подождал, пока заварка потемнеет. Открыл холодильник. Яйца, немного сыра, вчерашний хлеб. Позавтракал стоя, у окна. Дождь стучал по стеклу ровно, без порывов. Потом достал из кармана вчерашнюю записку. Бумага успела смяться. Элизабет. Центральная больница. Он смотрел на имя несколько секунд, потом убрал обратно. Нельзя было просто прийти и спросить про браслет. Если Марк прав, за такими вещами следили, любой странный вопрос мог привлечь внимание. А внимание НАГЗ — это не то, что стоит привлекать дважды.

Он взял телефон. Нашёл сайт центральной больницы. Открыл расписание терапевтов. Пролистал список. Элизабет нашлась быстро.

Элизабет Харпер.

Врач-терапевт.

Центральная городская больница.

Нолан нажал кнопку записи. На экране всплыло свободное время. 14:00. Он выбрал его. В графе «Причина обращения» мигал курсор. Нолан напечатал: «Повышенная температура. Слабость». Проверил. Отправил. Через несколько секунд пришло подтверждение.

Приём записан.

Сегодня, 14:00.

Кабинет 317.

Он положил телефон на стол экраном вниз. До приёма оставалось почти семь часов.

Нолан подошёл к окну. Грейхейвен уже просыпался. На остановке собирались люди, прятали лица под капюшонами. Открывались магазины — ставни поднимались с металлическим лязгом. По дороге проехал автобус, за ним — грузовик с продуктами. У школы стояли родители, провожали детей. Кто-то махал рукой, кто-то просто смотрел вслед. А над всем этим возвышалась стена. Даже отсюда были видны её верхние секции и одна из наблюдательных вышек. На ней стоял солдат НАГЗ. Дождь блестел на его бронежилете. Он не двигался. Просто стоял и смотрел вниз. Нолан смотрел на него несколько секунд. Потом отвернулся. Сегодня ему предстояло сделать первый шаг. Пока ещё совершенно обычный. Пока ещё никто не заметит.

Он оделся. Натянул куртку, проверил карманы — телефон, ключи, записка. Вышел из квартиры. Замок щёлкнул за спиной. До двух часов у него было достаточно времени.

До приёма оставалось ещё несколько часов. Недалеко от больницы был небольшой бар, куда Нолан иногда заходил после работы. Он занял место у окна, заказал кофе и что-то простое. Перекусил быстро, не чувствуя вкуса. Допил кофе. Посмотрел на часы — до двух оставалось двадцать минут. Расплатился. Вышел на улицу. Дождь почти кончился, только с козырьков ещё капало.

Центральная больница была через два квартала. Издалека здание выглядело почти так же, как до эпидемии. Высокий стеклянный фасад, несколько входов, парковка. Только теперь на крыше стояли дополнительные камеры, а у главного входа дежурил патруль НАГЗ. Двое. Один смотрел на дорогу, второй — на входящих.

Нолан прошёл внутрь. В больнице было непривычно тихо. Слишком тихо. В коридорах почти никого. Несколько медсестёр прошли от одного кабинета к другому. Где-то за закрытой дверью работал принтер. На стойке регистрации сидела одна сотрудница, смотрела в монитор. Больница могла принимать сотни людей в день. Теперь пустовала.

После эпидемии люди продолжали бояться врачей. Даже спустя годы. Хотя вирус давно не существовал в воздухе. Заразиться через дыхание, через дверную ручку, через случайное касание в городе было невозможно. Грейхейвен контролировался. Заражённых сюда не пускали. Любые подозрительные случаи изолировали ещё до того, как человек попадал в город. Здесь было безопасно. Все это знали. И всё равно люди предпочитали лишний раз не заходить.

Нолан иногда думал, что самым большим чудом после эпидемии стало даже не исчезновение вируса. А то, что в больницах наконец перестали собираться бабушки. Никаких восьми утра. Никаких занятых с вечера стульев. Никаких сумок на лавочках и боевых отрядов пенсионеров, способных простоять в очереди до самого закрытия. Он усмехнулся собственным мыслям.

Поднялся на третий этаж. Коридор был пуст. На стенах — указатели кабинетов, между ними старые плакаты о профилактике. Некоторые выцвели так, что текст не разобрать. Он нашёл нужную дверь.

Элизабет Харпер.

Врач-терапевт.

Нолан посмотрел на часы. 13:59. Он постоял несколько секунд перед дверью. Дыхание ровное. Руки — тоже. Он поднял руку и постучал. Не дожидаясь ответа, открыл дверь и вошёл.

Кабинет оказался небольшим и аккуратным. У окна — рабочий стол, заваленный картами и папками. Рядом компьютер, монитор горит. На стене анатомический плакат, над ним часы. Секундная стрелка двигалась негромко, но в тишине кабинета казалась громкой. У дальней стены — шкаф со стеклянными дверцами, внутри коробки с препаратами, инструменты. Возле кушетки металлическая стойка: перчатки, маски, флаконы антисептика.

За столом сидела Элизабет. Она выглядела моложе, чем Нолан представлял. Белые волосы собраны на затылке, открывают лицо. Светлая кожа, тонкие черты. Голубые глаза — необычно голубые, особенно на фоне маски. Белый халат. Перчатки. Маска закрывала нижнюю часть лица. Даже в обычном кабинете она сохраняла все меры предосторожности. Будто вирус всё ещё мог находиться где-то рядом.

Нолан остановился у двери. Элизабет подняла глаза от монитора. Посмотрела на него. Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

— Добрый день, — сказала Элизабет.

— Здравствуйте, — быстро ответил Нолан и сел на стул напротив.

Элизабет открыла на мониторе его заявку. Пробежалась глазами.

— Так... Температура, слабость?

— Да. Температура небольшая была.

— А сейчас есть?

Нолан едва заметно улыбнулся.

— Пока дошёл до вас, уже прошла.

Элизабет подняла на него взгляд. На секунду задержалась на его лице — чуть дольше, чем требовал профессиональный интерес.

— Хорошо. Поднимите футболку, я вас послушаю.

Нолан поднял футболку. Элизабет взяла стетоскоп, надела его, подошла ближе. От неё пахло спиртом и чем-то чистым, больничным.

— Глубоко вдохните.

Нолан вдохнул.

— Ещё.

Он вдохнул глубже и медленно выдохнул. Элизабет приложила стетоскоп к груди, затем к спине. Несколько секунд слушала дыхание. Перешла к другой стороне.

— Дышите обычно.

Нолан выдохнул. Элизабет нахмурилась.

— Кашель есть?

— Нет.

— Одышка?

— Тоже нет.

Она посмотрела на него поверх маски.

— Озноб?

— Нет.

— Ломота в теле?

— Нет.

Элизабет убрала стетоскоп с груди.

— Слабость?

— Была.

— Сейчас?

Нолан пожал плечами.

— Сейчас вроде нет.

Она несколько секунд молча смотрела на него. Потом снова приложила стетоскоп.

— А температура?

— Была.

— Какая?

Нолан на секунду задумался.

— Не измерял.

Элизабет медленно подняла брови.

— То есть вы пришли ко мне с температурой, которую не измеряли, слабостью, которая уже прошла, и сейчас у вас вообще никаких симптомов?

— Получается, так.

Она ещё раз осмотрела его. Внимательно. Как смотрят на рентгеновский снимок, где что-то не сходится.

— Странно.

— Что именно?

— Вы выглядите совершенно здоровым.

Нолан опустил футболку.

— До приёма всё было.

Элизабет посмотрела на часы на стене. Потом снова на него.

— До приёма?

— Да.

— И как только вы вошли в кабинет, всё прошло?

Нолан пожал плечами.

— Наверное.

На несколько секунд в кабинете повисла тишина. Секундная стрелка на часах щёлкнула. Элизабет взяла термометр.

— Посмотрим, что скажет прибор.

Через несколько секунд она взглянула на экран.

— Тридцать шесть и шесть.

Нолан кивнул, будто именно этого и ожидал.

— Вот видите.

— Что я должна увидеть?

— Что сейчас температуры нет.

Элизабет усмехнулась одними глазами.

— Это я уже поняла.

Она сняла перчатку и бросила её в контейнер. Резина шлёпнула о пластик.

— А слабость?

— Тоже прошла.

— Головная боль?

— Была.

— Сейчас?

— Нет.

— Насморк?

— Нет.

— Боль в горле?

— Нет.

Элизабет уже откровенно удивлялась. В голосе появилась нотка, которой там раньше не было — почти азарт.

— Нолан, у вас хоть что-нибудь осталось?

Он подумал пару секунд.

— Жажда.

Она посмотрела на него.

— Жажда?

— После кофе.

Элизабет не удержалась от короткой улыбки. Под маской её было не видно, но глаза выдали.

— Понятно.

Она снова открыла его заявку на компьютере. Пробежалась по записи.

— Тогда объясните мне одну вещь. Зачем вы записывались на приём?

Нолан на мгновение замер. Пауза вышла чуть длиннее, чем нужно.

— Потому что утром мне было плохо.

— А сейчас?

— Сейчас хорошо.

Элизабет внимательно посмотрела на него. Впервые за всё время её взгляд стал не просто профессиональным. В нём появилось любопытство. Настоящее.

— Очень быстро прошло.

Нолан улыбнулся.

— Повезло.

Элизабет ещё раз посмотрела на результаты осмотра. Внесла что-то в компьютер.

— В общем, ничего серьёзного я не вижу, — сказала она. — Температуры нет, дыхание чистое, давление в норме. Скорее всего, обычное переутомление.

Нолан кивнул.

— И что мне делать?

— Отдохнуть. Нормально поесть, выспаться. И попейте витамины.

Она распечатала небольшой листок. Протянула ему. Бумага была тёплой от принтера.

— Вот, обычный комплекс. Ничего особенного.

Нолан взял бумагу.

— Спасибо.

— Если температура вернётся или появятся другие симптомы — приходите ещё раз.

— Обязательно.

Нолан поднялся со стула. Уже направился к двери, но остановился. Рука на ручке.

— Элизабет?

Она подняла взгляд от монитора.

— Да?

— Вы до сколько сегодня работаете?

Элизабет слегка нахмурилась. Не подозрительно — скорее озадаченно.

— До семи.

— Понял.

Она несколько секунд смотрела на него. Ждала продолжения.

— А зачем вам?

Нолан едва заметно улыбнулся.

— Да так. Для себя.

Элизабет ничего не ответила. Смотрела на него чуть дольше, чем следовало. Нолан открыл дверь и вышел в коридор. Дверь за ним закрылась с мягким щелчком.

Он прошёл несколько метров и остановился у окна. За стеклом моросил дождь. В голове уже складывался план. До семи. Значит, время у него было.

Нолан просидел возле больницы почти до семи. Всё это время он делал вид, что просто отдыхает. Сидел на скамейке через дорогу, листал телефон. Пару раз заходил в магазин за водой — и возвращался. На самом деле он ждал.

Ровно в семь входные двери открылись. Он заметил её сразу. Элизабет вышла без халата. Джинсы, светлая лёгкая блузка, кофта на замке. Волосы распущены. Она выглядела совсем иначе — не как врач из кабинета, а просто как молодая женщина, которая закончила рабочий день. Нолан поднялся со скамейки и пошёл ей навстречу.

— Элизабет.

Она остановилась. Удивлённо посмотрела на него.

— Нолан?

— Добрый вечер.

— Добрый.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. Мимо прошёл автобус, обдал их выхлопом.

— У вас есть какие-нибудь планы на вечер? — спросил Нолан.

Элизабет прищурилась. Потом улыбнулась.

— Вы что, за мной следите?

— Нет, вы что? — Нолан даже слегка поднял руки. — Я просто очень хорошо умею случайно оказываться в нужном месте.

Она рассмеялась. Коротко, но искренне.

— Случайно, значит?

— Абсолютно.

Элизабет покачала головой.

— Нет, планов нет. А что вы хотели, собственно?

Нолан на секунду замялся. Будто впервые за весь день не знал, что сказать. Пауза вышла чуть длиннее, чем нужно.

— Если честно?

— Желательно.

— Вы мне очень сильно понравились.

Элизабет несколько секунд смотрела на него. Потом засмеялась.

— Вот так сразу?

— А зачем тянуть?

— Прямо очень сильно?

— Настолько, что я даже решил, что температура мне больше не нужна.

— Какая трагедия, — улыбнулась она.

— Я тоже переживаю.

Элизабет снова рассмеялась. На этот раз громче. Прохожий у остановки обернулся.

— Мне приятно.

Нолан немного расслабился. Плечи опустились — он сам не заметил, как держал их.

— Тогда ещё один важный вопрос.

— Какой?

— У вас есть молодой человек?

Она подняла бровь.

— Нет.

— Муж?

— Тоже нет.

— Кто-нибудь ещё, кому я сейчас могу испортить вечер своим присутствием?

Элизабет посмотрела на него с улыбкой.

— Нет. Никому вы его не испортите.

— Отлично.

— А вы всегда проводите медицинский опрос перед приглашением на свидание?

— Только если человек работает в больнице.

— Очень удобно.

— Стараюсь.

Элизабет поправила ремешок сумки на плече. Жест привычный, машинальный.

— И что дальше?

Нолан кивнул в сторону улицы.

— Тут недалеко есть один хороший бар. Можно посидеть, выпить чего-нибудь, поговорить. Если через десять минут вам станет скучно, я разрешаю вам уйти.

— Как великодушно.

— Я сегодня вообще щедрый.

— Это после витаминов?

— Видимо, они подействовали.

Элизабет улыбнулась. Посмотрела в сторону дороги — туда, где загорелся зелёный.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Хорошо, Нолан. Пойдём.

Он улыбнулся.

— Тогда после вас, доктор.

— Только не называйте меня так весь вечер.

— Договорились.

Они пошли рядом по улице. Нолан впервые за весь день почувствовал, что его план действительно начинает работать. Только теперь он сам уже не был до конца уверен, что именно планирует.

Они зашли в тот самый бар, который Нолан уже успел хорошо запомнить. За отдельным столиком было тише, чем в основном зале. Они сели напротив друг друга. Через пару минут подошёл официант.

— Что будете заказывать?

Нолан посмотрел на Элизабет.

— Что-нибудь выпить?

— Я за вино, — ответила она.

— Тогда бутылочку красного.

Официант кивнул, приготовился записывать дальше.

— Из закусок что-нибудь простое. Сыр, колбасу, оливки... В общем, стандартный набор.

Элизабет посмотрела в меню.

— А мне ещё «Цезарь», пожалуйста.

Нолан заглянул в меню.

— И мне такой же.

Официант записал и ушёл. Элизабет положила меню на стол. Посмотрела на Нолана.

— Только сразу договоримся.

— О чём?

— Кто сегодня платит?

Нолан усмехнулся.

— А что, уже счёт делить начинаем?

— А что? — она улыбнулась. — Пятьдесят на пятьдесят?

— Нет.

— Нет?

— Сегодня свидание на мне.

Элизабет слегка прищурилась. В глазах — искра.

— А если свидание окажется неудачным?

— Тогда тем более плачу я. Чтобы у тебя хотя бы ужин остался в качестве компенсации.

Она засмеялась. Коротко, но искренне.

— Хорошая схема.

— Я человек предусмотрительный.

— Хорошо. Тогда договорились.

Через несколько минут на столе появились вино, закуски и два салата. Нолан поднял бокал.

— За что будем пить?

Элизабет задумалась. По-настоящему — на секунду отвела взгляд.

— За знакомство?

— Подходит.

Они слегка стукнули бокалами. Стекло звякнуло тонко, чисто.

— За знакомство.

Элизабет сделала первый глоток. Поставила бокал. Провела пальцем по ножке — медленно, задумчиво.

— Ну что, Нолан. Теперь моя очередь задавать вопросы.

— Я так и думал.

— Сколько вам лет?

— Тридцать два.

— А мне почему-то казалось, что меньше.

— Это потому, что я хорошо сохранился.

— Или плохо вырос. — вдруг сказала Элизабет.

Нолан усмехнулся.

— Тоже вариант.

— Чем занимаетесь?

Нолан на секунду задумался.

— По-разному.

— Очень конкретно.

— Сейчас вот, например, сижу с красивой девушкой в баре.

Элизабет покачала головой.

— Вы всегда такой?

— Какой?

— Такой уверенный.

— Нет. Только когда волнуюсь.

Она посмотрела на него внимательнее. Чуть дольше, чем следовало.

— А ты сейчас волнуешься?

— Немного.

Элизабет улыбнулась. Сделала ещё один глоток.

— Не похоже.

— Значит, хорошо скрываю.

Несколько секунд они молчали. Потом разговор снова потёк — легко, непринуждённо. О работе. О городе. О том, как быстро меняется жизнь в Грейхейвене. Элизабет рассказывала про больницу, про смешные случаи с пациентами. Нолан время от времени вставлял свои истории. Чем дольше они разговаривали, тем меньше Элизабет казалась ему врачом из кабинета. И тем сложнее Нолану становилось помнить, зачем он вообще подошёл к ней у больницы.

Время пролетело незаметно. За окнами давно стемнело. В баре стало тише — остались только несколько столиков и бармен, протиравший стаканы. Они допили первую бутылку и уже наполовину опустошили вторую. Элизабет заметно расслабилась. Она часто улыбалась. Смеялась над шутками Нолана — искренне, не сдерживаясь. Уже не пыталась скрывать, что вечер ей действительно нравится.

— Кажется, мы немного засиделись, — сказала она, взглянув на часы.

— Немного, — согласился Нолан. — Совсем чуть-чуть.

Элизабет рассмеялась.

— Ты неисправим.

— Мне часто это говорят.

Они попросили счёт. Нолан даже не стал смотреть на сумму. Просто достал деньги и расплатился. Официант кивнул, забрал пустые бокалы.

Когда они вышли на улицу, прохладный воздух сразу дал понять, насколько поздно стало. Элизабет остановилась у ступенек, поправила кофту. Дыхание вырвалось облачком пара.

— Хороший был вечер, — сказала она.

— Мне тоже понравилось.

Нолан посмотрел на неё. На секунду — чуть дольше, чем нужно.

— Проводить тебя?

Элизабет улыбнулась.

— Можно. Только я далеко живу.

— Насколько далеко?

— Достаточно, чтобы ты потом пожалел, что спросил.

— Тогда есть вариант проще.

Она посмотрела на него с лёгким любопытством.

— Какой?

— Можешь остаться у меня.

Элизабет несколько секунд молчала. Нолан не торопил её. Стоял спокойно, руки в карманах. Где-то вдалеке проехала машина, свет фар скользнул по стене и погас.

— Если тебе, конечно, самой этого хочется, — добавил он.

Она посмотрела ему прямо в глаза. Долго. Потом улыбнулась.

— А ты, оказывается, предусмотрительный.

— Иногда.

— Останусь.

Нолан улыбнулся.

— Тогда идём.

Они медленно пошли по ночной улице. Фонари горели через один — где-то перегорели, где-то мигали. Нолан шёл рядом и впервые за весь вечер почти не думал о браслете.

Почти.

До дома они почти не разговаривали. Иногда Элизабет что-то тихо говорила. Нолан отвечал. И оба снова замолкали. Ночь была спокойной, улицы почти опустели. Только где-то далеко лаяла собака — и умолкла.

Когда они вошли в квартиру, Элизабет сняла кофту и бросила её на спинку стула. Нолан закрыл дверь. Замок щёлкнул. Несколько секунд они просто стояли друг напротив друга. В квартире было тихо. Слышно было, как капает вода из крана на кухне — Нолан всё собирался починить и не починил. Элизабет улыбнулась.

— Ну и зачем ты так долго на меня смотрел?

— Пытаюсь понять, действительно ли ты сейчас здесь.

— А если нет?

— Тогда это очень хороший сон.

Она подошла ближе. И первой поцеловала его. Нолан обнял её за талию, притянул к себе. Поцелуй стал дольше, теплее. Элизабет тихо рассмеялась, когда он что-то прошептал ей на ухо. Потом снова потянулась к нему.

Кофта осталась на стуле. Блузка соскользнула на пол. Следом — его куртка, футболка, джинсы. Возле кровати. Они почти не говорили. Только иногда смеялись — словно оба немного удивлялись тому, как быстро обычный вечер превратился во что-то совсем другое. Позже они лежали рядом, укрывшись одним одеялом. Элизабет положила голову Нолану на плечо. Он обнял её.

— Странный у меня сегодня был день, — тихо сказала она.

— У меня тоже.

— И ведь утром я даже не знала, кто ты.

— А теперь знаешь?

Она немного приподняла голову. Посмотрела на него. В темноте её глаза казались темнее, чем днём.

— Пока не совсем.

Нолан улыбнулся.

— Значит, придётся познакомиться получше.

Элизабет улыбнулась в ответ и снова устроилась у него на плече. Через несколько минут её дыхание стало ровным. Она уснула. Нолан ещё долго смотрел в потолок. Слушал, как она дышит. Считал вдохи — не специально, само получалось. Где-то на кухне всё ещё капала вода. А потом закрыл глаза и тоже заснул.